

Раджанова Н.А.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ КЫРГЫЗСТАНА

N.A. Radzhapova

FEATURES OF POLITICAL CULTURE YOUNG PEOPLE IN KYRGYZSTAN

УДК: 343.4 (575.2)

В статье раскрываются основные противоречия между традиционализмом и модернизмом в сознании молодежи; анализируются причины возрастания ее политической активности в последние годы; дается научная оценка участию молодежи в трагических событиях на юге страны.

The article reveals the basic conflict between traditionalism and modernization-organisms in the minds of young people, analyzes the causes of increasing its political activity surface in recent years, given the scientific evaluation of youth participation in the tragic events in the south.

В условиях кризисного, переходного состояния общества, при смене типов политической культуры возникают серьезные проблемы сохранения и передачи политического опыта, преемственности политических институтов, норм и ценностей. Именно это и наблюдается сегодня в Кыргызстане. В стране одновременно изменились и политическая, и экономическая системы, возник идеологический вакуум, подверглись глубокой коррозии базовые ценности. Кыргызстан существует теперь в новых границах, социально-экономический потенциал его после распада СССР заметно изменился - обнищание значительной части населения, ослабление законности и правопорядка, рост преступности, произвол и коррупция чиновников в значительной степени подрывают уважение граждан, и особенно молодых, к существующим политическим институтам и лидерам. Растет разрыв между гражданами и государством, между разными группами населения, наконец, между поколениями кыргызстанцев - все это наложило свой отпечаток на политическую культуру молодежи, сделало ее, по мнению Б. Торогельдиевой, смешанной, поляризованной и сегментированной [13, 146], а С. Алымов добавляет, что политическая культура молодежи характеризуется сегодня в основном противоречиями между традиционализмом и модернизмом [1, 87]. В целом, поддерживая эту точку зрения, рассмотрим ее более подробно.

Сегодня довольно основательно проявил себя слой молодежи, ориентированный на традиционные и модернистские ценности. "Традиционалисты" в основном ориентируются на "неформальную политику". Надо сказать, что ученые всегда осознавали важность в мусульманском мире того, что называется "неформальной" политикой [16, 221-225]. Как, например, отмечают международные эксперты, "Центральноазиатская политика представляет из себя результат очень сложного и неоднозначного процесса, в котором различные группы [кланы] непрерывно борются за власть, часто соревнуясь за преимущества, а иногда сотрудничая для достижения своих це-

лей" [15, 87]. В Кыргызстане существует символическая взаимосвязь между кланом, областью, элитой и классом. Под клановой системой, которая существовала в Кыргызстане и в досоветский и в советский периоды, имеется в виду комплекс обширных сетей патронажа, связанных с этническими и географическими факторами. Как считают Ч. Бакстон и К. Абралиев, на фоне отсутствия четкой национальной идеологии они стали средством идентификации и самоопределения. Сегодня они продолжают играть важную роль в назначении персонала, выборе политических руководителей и принятии решений на государственном уровне [2, 13].

Принадлежность к клану обычно соответствует происхождению из какой-либо области страны, поскольку именно эта область - традиционная родина данного клана, даже если его члены давно покинули данную местность. Например, второе или третье поколение "южан", родившихся и проживающих в северной части страны, в Бишкеке, все еще продолжают относить себя к кланам и родам своих дедов или прадедов из южных областей (при этом, конечно, в зависимости от влияния таких факторов как, например, вступление в брак, перемена места жительства, образование и т.д., чувство клановой солидарности может усиливаться или ослабляться).

Приверженность к своему роду, племени (*трайбализм*) неоднозначно воспринимается в настоящее время в Кыргызстане. Многие из местных экспертов рассматривают данный феномен как крайне негативный, в то время как другие оспаривают его значимость. Комментаторы отмечают, как те, кто ратует за национальное возрождение, обращаются к понятиям *журтчулук* (сообщество), традиционной оси *уруучулук* (родовая система), которая устанавливала идентичность и единство кыргызского народа. Политические проявления современного трайбализма видны в том, как политиками принимаются решения и как государственные служащие набираются на работу. Существуют лидеры, которые поднялись благодаря своим собственным заслугам, но клиентуризм, отождествление с теми, кто считается "одним из нас", и патронажные связи с влиятельными лидерами все еще часто используются для получения назначения на руководящие позиции*. Социальный аспект

* Такие вопросы поднимались в ряде статей в журнале "АКИпресс" в Кыргызстане почти перед самым свержением Президента Акаева в 2004-2005, где авторы аргументировали, что трайбализм и регионализм препятствуют найму лучших, наиболее способных и морально стойких личностей в элиту.

трайбализма влияет на каждодневную жизнь и особенно это сильно проявляется в сельской местности.

По мнению западных аналитиков, главный политический раскол в Кыргызстане проходит между "южными" и "северными" элитами, где первые в большинстве случаев находятся не у дел, когда речь заходит о доступе к государственной власти и, соответственно, ресурсам, что и становится причиной их скрытого или открытого недовольства [14].

Большое значение в борьбе за власть клановые элиты придают вовлечению молодежи в процессы продвижения в высшие эшелоны власти того или иного представителя клана. Поэтому у каждого ныне действующего политика есть своя "группа поддержки". В случае, например, возникновения каких-либо личных неприятностей политика - выходца определенного клана не составит особого труда быстро организовать народные волнения в поддержку обиженного с привлечением большого числа молодежи. Достаточно ярким примером такого "народного заступничества" могут служить выступления "земляков" Урмата Барыктабасова, Исмаила Искакова, Азимбека Бекназарова. Да и сами две революции постепенно вызревали в основном в недрах родоплеменных кланов ("тюльпановая" 2005 года - южных; 2010 года - северных) и при их поддержке, по большому счету, свершились. Эти революции помимо всего прочего продемонстрировали огромный потенциал использования организованной молодежи в политических целях. За каждым идейным руководителем оппозиции шла огромная череда земляков и родственников, которые, слившись с другими кланами, и составили революционно настроенную толпу, состоящую в основном из решительно настроенной молодежи.

Среди "прозападно настроенной" молодежи особое предпочтение отдается правам и свободам человека, ориентации на рынок, индивидуализм. Проводниками таких идей стали в основном неправительственные организации, ориентированные на западную демократию и осуществляющие свою деятельность при финансовой поддержке западных стран и США. Отечественные исследователи А.С. Кадыркулова и Х.А. Абдужабаров считают, что "западная экспансия" внедрялась в Кыргызстане путем отработанных технологий. Если раньше государства завоевывались путем военного вторжения, то в современный период европейские страны предлагают экономическую помощь, внедряют языки, систему политического управления, культуру и образ жизни, демократические ценности [4, 118]. Основная форма деятельности НПО, на которую на протяжении многих лет выделялись гранты, - обучение и воспитание молодежи. Важнейший компонент обучения - создание общественных лидеров. В стране была создана разветвленная сеть неправительственных молодежных организаций. Так, с января 2003 года при поддержке посольства США в вузах Кыргызстана реализуется проект "Студенты за академическую честность". В его рамках было организовано несколько десятков студенческих НПО и школьных парламентов, в частности: "Продвижение" - в Бишкекском го-

сударственном университете экономики и предпринимательства; "Friends" - в техническом университете им. И. Раззакова, "Башат" - в Кыргызско-Турецком университете "Манас", "Эпицентр" - в Нарынском государственном университете, "Через честность - к знаниям" в Кыргызско-Российском Славянском университете, "Students in Action" - в Кыргызском государственном университете им. И. Арабаева, "Together Forever" - объединенная организация в Американском университете в Центральной Азии (АУЦА), Кыргызском горно-металлургическом институте и Высшем военном училище. Другим ярким примером "сетевой" активности могут служить тысячи обучающихся мероприятий для молодежи, которые проходили по американским грантовым программам: малые - круглые столы, лекции, семинары; средние - одно-, трехдневные семинары или конференции с приглашением обучаемых из разных городов и регионов, с проживанием в гостинице, питанием, культурной программой - все за счет фондов; большие - летние лагеря молодежи. На американские гранты были организованы постоянно действующие формы: клубы, консультационные и информационные центры.

Несмотря на обилие студенческих организаций, все же некоторые отечественные эксперты высказывают тревогу. Так, А.С. Кадыркулова и Х.А. Абдужабаров считают, что "вторжение другой культуры, бесспорно, влияет на мышление и образ жизни подрастающего поколения разрушающе... правящие круги капиталистических держав усматривают в культуре важное средство укрепления своего влияния в других странах, дополняющее другие формы взаимодействия" [4, 119]; Э.Д. Каниметов придерживается мнения, что мечты молодежи о лучшей жизни, как на Западе, не вписываются в реальную жизнь Кыргызстана. Это недовольство всюду использовали различные политтехнологи, НПО, прозападные СМИ в организации "тюльпановой" революции 2005 года в Кыргызстане [5, 181]. В целом, поддерживая это мнение, другой отечественный ученый А. Князев уточняет, что через "американизированные" образовательные центры и НПО на протяжении многих лет в Кыргызстане идет планомерное разрушение традиционных социальных механизмов, включая и мировоззренческие основы, в общественном сознании формируется неприятие существующего положения дел в республике, стимулируется рост уровня ожиданий и претензий к жизни, никак не подкрепленный реальными возможностями республики [6, 36]. На основе обобщения опыта Сербии, Грузии, Украины, а также анализа ситуации в Кыргызстане автор делает некоторые общие выводы - "создаваемые сетевые структуры посредством неправительственных организаций на физическом уровне призваны обеспечить критическую массу молодых людей, готовых принять активное участие в протестных акциях. На информационном уровне их задача - поддержать определенную степень социальной активности, обострять обстановку, продолжительное время акцентируя внимание на реально существующих проблемах. <...> На когнитивном уровне активность признана оказывать такое влияние на сознание людей, которое подталки-

вает к формированию устойчивого убеждения "так дальше жить нельзя", "жить стало невыносимо" [6, 37-38].

Некоторые эксперты считают, что именно из-за сетевой активности сегодня приверженность идеям демократии у большей части молодежи сочетается с недоверием к действующим политическим институтам, ощущением, что все устроено "как-то неправильно". Так, отечественный эксперт Э.Д. Каниметов считает, что недоверие распространяется не только на действующих политиков (многими из них молодые люди, как и пожилые, недовольны), но и на саму институциональную систему; существующая система рассматривается молодежью как малоэффективная, не способная удовлетворить запросы молодых кыргызстанцев [5, 181].

Однако, на наш взгляд, было бы неправильным считать молодых людей эгоцентристами, озабоченными лишь собственным благополучием. На ранних этапах независимости государству "авансом" было оказано доверие. "Коллективные" стимулы доминировали в политико-культурных ценностях. Однако оказанное доверие не было оправдано: новая политико-институциональная система не стала эффективной. По мнению С.Г. Иванова, массовое разочарование в результатах реформ породило в кыргызском обществе отрицательное отношение к любым формам идеологизированных установок [3, 167-168]. И в этом плане март 2005 года стал основоположником опасного для кыргызского общества в целом явления - разрушения Идеи, присущей испокон веков кыргызскому народу, которая, по образному выражению Р. Сафина, заключалась в исключительном доверии и уважении к государственной, как правило, персонифицированной высшей власти, сильной, мудрой, справедливой. "Конституцией" Идеи была вера в хорошего правителя (президента) и в его справедливые решения. Ее законами были убеждения, что президент - отец нации, он отвечает за все и должен делать жизнь народа лучше" [12]. И вот эта Идея сакральности власти в глазах молодежи была низвергнута самым варварским способом, с массовыми мародерствами и погромами. Легкость победы над властью привела к формированию новой политической традиции - готовности к насильственному свержению любой другой действующей власти. "Кетсинизм" становится для многих молодых кыргызстанцев, особенно из глубинки, своеобразной игрой в героев и "поборников справедливости". Появилась даже новая "профессия". "Пикетчик" - это сотни безработных юношей и девушек, посещающие все митинги, в бесчисленном количестве происходившие в разных регионах республики на протяжении последних пяти лет. За определенную плату они берут в руки плакаты с теми лозунгами, которые диктует "заказчик" [8]. Не мешает участвовать в революциях, пикетах, актах неповиновения и вера в Бога или Аллаха. В ходе социологического исследования, проведенного Институтом стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете летом 2008 года в двух южных областях страны (Ошской и Жалалабадской), двух северных (Чуйской и Иссык-

Кульской) и г. Бишкеке, подавляющее большинство молодых людей (90,7%) признались, что являются верующими [11]. В рамках другого исследования, 68% опрошенных кыргызстанцев ответили, что религия стала важной частью повседневной жизни, в том числе 64% мужчин и 71% женщин; что посещают религиозные учреждения 18% граждан. Намаз совершают пять раз в день 10% молодых в возрасте 15-24 и 16% молодежи в возрасте 25-34 лет [9, 59].

Уважение к своим национально-конфессиональным традициям, однако, вовсе не переходит в готовность молодежи беспрекословно следовать духовным предписаниям религиозных руководителей. Показателем "отступничества от духовности" стало межэтническое столкновение на юге Кыргызстана в июне 2010 года, в котором наиболее активную роль сыграли молодые люди кыргызской и узбекской национальности. По словам заместителя председателя Совета мусульман России Данира Мухетдинова, который побывал на юге страны сразу же после трагических событий в Оше, "человек, получивший достойное религиозное воспитание, никогда не пойдет на такую жестокость. ... Я не сталкивался с подобными зверствами ни в одной горячей точке мира, где бывал с миссией. Люди, которые решились на такие действия, не имеют ни религии, ни национальности и не должны причисляться к кыргызам или узбекам, а тем более к мусульманам", - сказал он на пресс-конференции журналистам [7]. Психологи давно заметили, что в состоянии аффекта баланс сознательно-бессознательных сил в психике человека смещается в сторону бессознательного, а правом принятия решений независимо от "Я" начинает обладать физиологическая сторона. Аффект является условием, при котором возможен трансгрессивный скачок в сознании человека, который характеризуется отрицанием табуированности предела той или иной культурной традиции [10, 58-59]. В целом же отметим то, что не поддается никакому оправданию - события на юге продемонстрировали наряду с прочим крайне низкий уровень духовного развития той части молодежи, которая принимала активное участие в массовых бесчинствах.

Таким образом, в качестве обобщения вышеизложенного отметим следующее:

1. Политическая культура кыргызстанской молодежи носит сегодня амбивалентный характер. С одной стороны, она ориентируется на ценности и социальные статусы молодежи других развитых стран, в первую очередь США, западноевропейских государств, России и Казахстана, но с другой - находится под влиянием экономических, политических факторов и традиций кыргызского общества. Если говорить в целом, то состояние политической культуры молодежи, так же как и общества в целом, в достаточно высокой степени фрагментировано и неустойчиво.

2. С 2005 года в среде молодежи идет активный процесс осмысления себя гражданами Кыргызстана, выработки соответствующих стереотипов сознания и поведения. Однако этот процесс еще далек от завершения и требует целенаправленного воспитательно-

го воздействия со стороны государства, более активного вовлечения молодежи в общественную и политическую жизнь страны.

Использованная литература:

1. Алымов С. Ценностные ориентиры молодежи Кыргызстана в период трансформации общества // Материалы науч.-практ. конференции "Реформы высшего образования: формы, пути, этапы развития" (24-25 мая, 2003 г., Ис-сык-Куль). - С. 87.
2. Бакстон Ч., Абралиев К. Лидерство в переходный период: развитие лидеров в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2007. - С. 13.
3. Иванов С.Г. Влияние глобализационных процессов на развитие Кыргызской Республики. - Бишкек, 2006. - С. 167-168.
4. Кадыркулова А.С., Абдужабаров Х.А. Политическая культура Кыргызстана // Вестник КРСУ. - 2008. - Т.8(№3). - С. 118.
5. Каниметов Э.Д. Парадоксы теории и практики трансформации постсоветского общества и перспективные его развития (на примере Кыргызской Республики) // Научные труды ДонНТУ. Сер.: Экономика, по-литика. - 2006. - Вып. 103-1. - С. 181.
6. Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. - Бишкек, 2005. - С. 36.
7. Колбаев Д. Одна из главных причин кровопролития на юге Кыргызстана - отсутствие у молодежи духовного воспитания // Информационное агентство 24 kg //http://www.24kg.kg/22/06/10 16:09
8. Кыргызстан в поиске приемлемой идеологии [Электронный ресурс] // Институт стратегического анализа и прогноза. - 2007. - режим доступа: <http://www.easttime.ru>.
9. Кыргызстан: успешная молодежь - успешная страна: / Национальный доклад о человеческом развитии за 2009 год. - Бишкек, 2010. - С.59.
10. Никитин В.Н. Онтология телесности. - М., 2006. - С. 58-59.
11. Религиозная ситуация в Кыргызстане: анализ и перспективы развития: Промежуточный отчет по результатам исследования / Институт стратегического анализа и прогноза. - Бишкек: КРСУ, 2008. - С. 19.
12. Сафин Р. Приведет ли апрельское оживление оппозиции к диалогу с властью? [Электронный ресурс] // Институт общественной политики. - 2008. - режим доступа: <http://www.ipp.kg>
13. Торогельдиева Б. Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. - 2009. - №1(61). - С. 146.
14. Eugene Huskey, 'Kyrgyzstan: The Fate of Political Liberalization' in Karen Dawisha and Bruce Parrot, eds., Conflict, Cleavage and Change in Central Asia and the Caucasus, CUP (Cambridge: 1997a) and Annette Bohr and Simon Crisp, 'Kyrgyzstan and the Kyrgyz' in Graham Smith, ed., The Nationalities Question in Post-Soviet States, Longman (London: 1996).
15. Quoted in John Anderson. The International Politics of Central Asia, 1997. - P. 87.
16. Roger Owen. State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East, Routledge (2000), С. 221-225, 229-238.

Рецензент: к.полит.н., доцент Мирсаидов И.